

Лидия Грот

кандидат исторических наук (Лулео, Швеция)

**Варины – варяги – вэринги:
судьбы в истории и историографии**

*стенограмма доклада, прочитанного на международной научной конференции
«Начала русского мира», Санкт–Петербург, 28-30 октября 2010 г.*

версия для сайта «Общественно-научное Переформатирование»:

<http://pereformat.ru/>

* * *

Утверждение того, что летописные варяги – это скандинавы (часто – выходцы из средней Швеции), принадлежит к символу веры норманизма. При этом заявления о скандинавстве варягов в работах норманистов предлагаются как бесспорная истина, давно доказанная и обоснованная. Однако когда начинаешь более дотошные разыскания в их работах, то обнаруживаешь, что никаких убедительных доказательств этому нет. А продолжая исследования, выясняешь, что их и быть не может, поскольку оказывается, что все постулаты норманизма проистекают из фантазийного ненаучного источника. Эти два положения я постараюсь представить в первой части доклада. Во второй части мне хотелось бы успеть, насколько позволит время, показать, что фантазии в истории – не такая уж безобидная вещь. Проникнув в науку, они стремятся поглотить и подменить «живой» исторический материал собственными химерами. Примером тому может служить история народа варинов – древних мореходов и торговцев с Южной Балтии или история термина *викинг*, который оказывается старше истории стран Скандинавского полуострова.

Начав около пятнадцати лет тому назад исследовать истоки полемики о варягах, я обнаружила, что эта тема изначально оказалась втянутой в круг целого ряда утопий, сложившихся в западноевропейской исторической мысли в XVI-XVII вв. В числе таких утопий следует назвать *готицизм и рудбекианизм* - течения, в рамках которых развилась тяга реконструировать историю древних народов Европы, начиная с готов, а также стремление претендовать на родство с ними и приписывать себе славу их истории. В этой исторической полемике изначально активную роль приняли на себя шведские историки и политики в силу своих притязаний видеть в Швеции прародину готов. Уверовав в эту идею, шведские историки, начиная с XVI в., увлеклись воссозданием

грандиозных картин якобы своего готского прошлого, и когда материала собственной истории не доставало, то у них образовалась привычка приписывать себе историю других народов древности, для чего общеизвестные классические источники стали объявляться принадлежностью шведской истории, только не узнанной ранее в силу искажения названий и пр. Так частью гото-шведской истории была объявлена история скифов, история фракийских народов, называемых греками гетами, и многое другое.

Традиции мифотворчества получили дальнейшее развитие в XVII в., когда шведскими литераторами и историками было сделано новое чудесное открытие о том, что и гиперборей из античных источников – тоже прямые предки шведов и что, следовательно, мифы о гиперборейцах – это забытый источник по древнешведской истории. Подсоединение «гиперборейцев» к шведской истории открыло уже совершенно безбрежный простор для любых фантазий на исторические темы, таких, например, как идея притязать на основоположничество шведов в создании фундамента древнегреческой культуры, т.е. быть в области истории как бы впереди Европы всей. На этой волне и в условиях захватнических военных действий шведской короны в Новгородской земле шведским дипломатом и историком П.Петреем в его «Истории о великом княжестве Московском» была высказана верноподданическая мысль о том, что и варяги из древнерусских летописей должны были быть выходцами из Швеции. А почему бы и нет? Если уж гиперборейцы – из Швеции, то кто мешает вывести из Швеции и варягов?

Подобные фантазии на темы собственной истории достигли своего пика в *рудбекианизме*, особом феномене западноевропейской исторической мысли XVII-XVIII вв., от имени шведского литератора XVII в. Олафа Рудбека. Об утопии рудбекианизма рассказывается в ряде моих работ, в частности, публикуемых в сборниках серии «**Изгнание норманнов из русской истории**». О традиции шведской историографии XVII-XVIII вв. мифологизировать свою историю много пишет В.В.Фомин. К этим работам я и отсылаю тех, кто хочет подробнее ознакомиться с данной проблемой, здесь же я просто кратко озвучила её, чтобы представить, из какого источника родилось утверждение норманизма о том, что варяги-русь были выходцами из Швеции.

Олаф Рудбек прославился тем, что в своём произведении «Атлантида» (“Atland eller Manheim”), основные три тома которого были изданы в 1679-1698 гг., а последний, 4-й том был повреждён в пожаре 1702 г. и восстанавливался позднее, пропагандировал основоположничество шведов в истории всех древних европейских народов, а Швецию представлял колыбелью общеевропейской культуры. Именно априорность идеи об универсальном основоположничестве шведов в европейской истории заставила Рудбека порассуждать и о варягах, подхватив и развив слова Петрея о варягах из Швеции. Рудбек наделил эту мысль и этимологическим воляпюком, в его время вера в этимологию как панацею от всех исторических проблем, утвердилась

самым незыблемым образом. По мнению Рудбека, слово варяги означало шведских морских волков-разбойников и показывало, что «...великокняжеское имя русской династии явилось из Швеции». Байер принадлежал к поколению западноевропейских учёных, воспитывавшихся на наследии готицизма и рудбекианизма. Идеи этого наследия, включая и идею о скандинавском происхождении варягов были привезены Байером в Россию как новейшее достижение западной науки, поскольку в его время даже самые выдающиеся западноевропейские мыслители увлекались этими направлениями в силу моды на идеи о готско-германских началах в западноевропейской истории.

В своей статье «О варягах», которая до сих пор является программным документом норманизма, Байер, объявив, что «варяги у русских писателей были из Скандинавии», в качестве источников сослался на шведских историописателей-фантастов: на Иоанна Магнуса, создавшего феерический труд о Швеции как прародине готов и колыбели всей германской культуры, на Верелия – одного из проповедников шведской гипербореады и на Рудбека, у которого, по определению современных шведских исследователей, «шовинистические причуды фантазии были доведены до полного абсурда». Итак, перечисленные Байером авторитеты – не наука, но, к сожалению, вслед за Байером из этого ненаучного источника продолжает насыщаться и современный норманизм. Но может, современному норманизму удалось сделать невозможное – наполнить научным содержанием «причуды фантазии» Петрея и Рудбека? На мой взгляд, нет. Но судите сами.

Ведущими специалистами в обосновании «скандинавского» происхождения варягов являются сегодня Е.А.Мельникова и В.Я.Петрухин. С наибольшей полнотой система их доказательств была представлена в статье, специально посвящённой этому вопросу «Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: к истории названия “варяг”». Статья эта хорошо известна, поэтому напомним только суть аргументации авторов. С первых строк авторы статьи продекларировали, что значение слова варяг – это «скандинав на Руси», и что скандинавская этимология этого слова очевидна, хотя само слово, по их утверждению, образовалось на Руси, но в скандинавской среде. Их статья помогает обнаружить, что в этимологических исканиях по поводу имени *варяг* норманизм столкнулся с двумя крупными задачами.

Первая задача обнаружилась вот в чём. Общеизвестно, что в поисках доказательств скандинавского происхождения слова *варяг* норманисты давно стали исходить из того, что первичным для него является слово *вэринг*, встречающееся в исландских сагах и других скандинавских источниках для обозначения людей, находящихся на службе в Византии в особых военных отрядах – как телохранители императора или в императорской гвардии (в византийских источниках именовались *варангами*). Но для подтверждения того, что *варяги* – производное от *вэрингов*, надо было, чтобы *вэринги* добирались в

Византию через Русь, но в скандинавских источниках о наиболее ранних поездках *вэрингов* об этом ни намёка. О поездках исландцев в Константинополь с конца X в. рассказывается, но через Русь они туда не ездили – неудобно (в более поздние времена да, случилось). Более того, имя *вэринги*, как отмечают сами авторы, не употреблялось для выходцев из скандинавских стран, побывавших на Руси, только – для служащих в Византии и в особых отрядах. Стендер-Петерсен объяснял этот казус случайностью дошедших до нас скандинавских известий. Да нет, говорят наши авторы, скандинавских источников очень много.

Вот такая незадача: *вэринги* изначально оказывались сами по себе, а *варяги* – сами по себе. Но эту незадачу наши авторы преодолели с лёгкостью, типичной для рудбекианизма: надо было найти подходящий исторический контингент из соответствующего источника и объявить его как неопознанных ранее скандинавов. Так авторы статьи и поступили: они взяли известный эпизод из ПВЛ, где рассказывается о событиях 941-944 гг., военных действиях князя Игоря против Византии, о его поражении, в силу чего князь Игорь послал «по варяги многи за море», что по толкованию авторов означало, что князь вызвал из-за моря скандинавов. Далее их фантазия рисует заключение Игорем договора, определявшего условия службы наемников, что, дескать, и вызвало к жизни самоназвание, т.е. слово *варяг*. Звучит складно, но договор Игоря о найме скандинавов, о котором говорят авторы, науке неизвестен, поэтому и всё их рассуждение – бойкая фантазия. Здесь следует также пояснить, что попытка связать появление слова *варяг* с X в. объясняется очень просто: для того, чтобы подтянуть свою версию к вэрингам из саг, упоминаемым не ранее 980 г., как хорошо показано в статье.

Вторая незадача оказалась лингвистического характера: лингвистически никак не удавалось произвести слово *варяг* от *вэринг*. Одна из последних попыток такого рода предпринималась немецким лингвистом Шраммом. Но Мельникова и Петрухин отвергли его рассуждения как неубедительные, поскольку Шрамм не смог преодолеть ряд сложностей фонетического порядка. Убедительной они провозгласили этимологическую конструкцию, предложенную ранее Г.Якобссоном, согласно которой между *вэрингами* и *варягами* была промежуточная форма *wārangR* – слово, неизвестное скандинавским источникам, но выделенное Якобссоном в названии Варангерфьорда на севере современной Норвегии (подчёркиваю, современной). Итак, безымянные скандинавы пришли к Игорю, назвали себя *варангр* и, оставив это название трансформироваться в русское *варяг*, понесли *варангр* далее в Византию, а оттуда - и в скандинавское общество. Но на обратном пути из Византии в Скандинавию древнескандинавская форма трансформировалась и превратилась в *вэринг*, поскольку «архаичный и малоупотребительный суффикс *-ang* заменяется продуктивным и близким по смыслу суффиксом *-ing...*».

Нарисованная авторами картина, может, и обходит фонетические сложности, но в категории человеческой жизни она совершенно не укладывается, поэтому её ценность в качестве исторического доказательства равна нулю. И я остановилась на ней потому, чтобы, во-первых, показать, что за утверждениями норманистов о скандинавском происхождении варягов не видно никаких доказательств, а во-вторых, чтобы подойти к вопросу о том, что утопические концепции существуют в истории за счёт сокрытий и подмен из историй других народов.

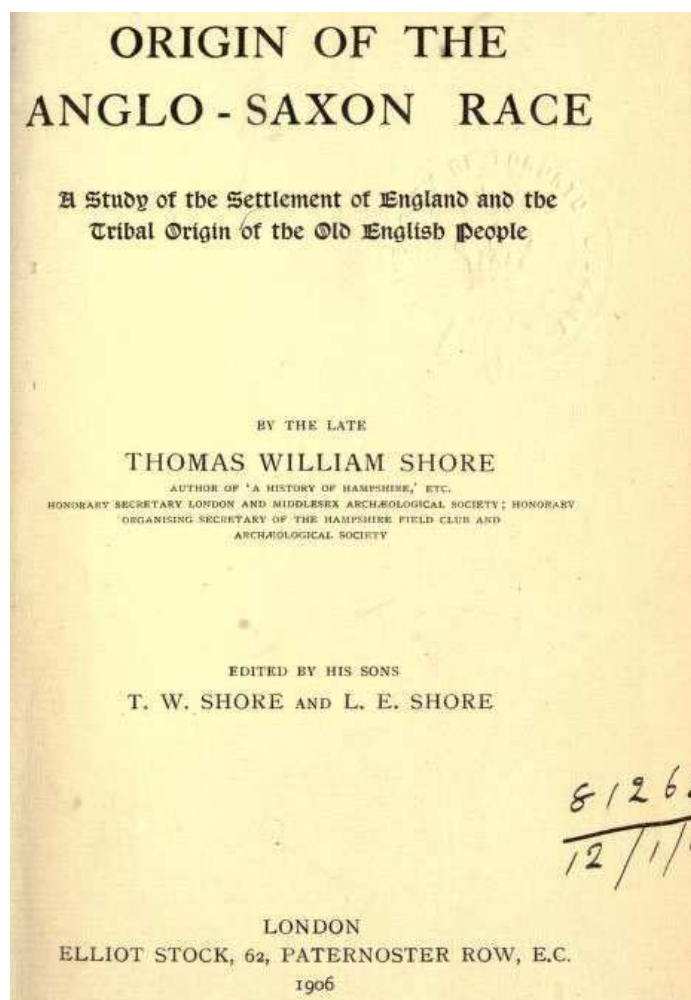
Знакомство с некоторыми работами по английской и ирландской истории показало, что с нашествием норманистских утопий оказались преданными забвению факты европейской континентальной истории. Первая из них – **история древнего народа варинов с Южной Балтии**. Приведу несколько фрагментов из книги английского учёного Шора «Происхождение англосаксонского народа» (я познакомилась с ней благодаря упоминанию А.Г.Кузьмина). Шор был далёк от дискуссий норманистов и антинорманистов – его просто интересовала история всех народов, которые действовали в начальный период истории Англии, и, прежде всего, история англов и саксов. Но в рамках этой истории он рассказывает о народе *варинов*, и этот рассказ оказывается потерянным звеном в цепи рассуждений о летописных варягах.

Рассказывая о происхождении народа Англов (*the Angles*) Шор говорит, что этот народ был впервые упомянут Тацитом в паре с другим народом – *варинами* (*the Varini*). Говоря о вариных, Шор всегда приводит написание этнонима *варины* с вариантом *вэринги* (*Varini or Warings*), обнаруживая перед нами ту простую истину, что *Warings* совершенно очевидно является англоязычным вариантом слова *Varini*. Шор высказывает убеждение, что *англы* должны были находиться с *вэрингами* (*the Warings*) или *варинами* (*the Varini*) Тацита в тесных союзнических отношениях в течение длительных периодов. Он напоминает, что во время Карла Великого (742-814) был утверждён кодекс законов под названием «*Leges Anglorum et Werinorum*» – «Законы Англов и Варинов». Эти *варины* или *вэринги* (*the Warings*) жили в юго-западной части побережья Балтии, причём с древних времён. Отражение имени варинов Шор видит в названии реки Варины или Варны (*Warina, Warina*), от чего произошло и название Варнемюнде.

Интересным фактом в связи с историей *варинов/вэрингов* Шор считает их связь с островом Рюген, который при жизни епископа Оттона Бамбергского (1060-1139) назывался Верания (*Verania*), а его население – вераны (*Verani*). Шор отмечает, что, без сомнения, в этом сообщении речь идёт о славянских язычниках, и ясно, что *вэринги* (*the Warings*) принадлежали к их числу.

Далее Шор рассказывает, что *варины/вэринги* с ранних времён были одним из торговых народов Балтии и вели торговлю как с Византией, так и в славянских

землях, передвигаясь там по рекам на небольших судах. *Варины/вэринги* с ранних времён были связующим звеном в торговле между балтийскими портами и различными областями (dominions), подчинёнными греческим императорам. Шору известна связь варинов с древнерусской историей. Он сообщает, что в ранних русских источниках известны как сами варины, так и их страна *Варингия (Waringia)*, и что по их имени названо *Варингское море (Waring Sea)*. Эти древнейшие союзники англо-саксов, по словам Шора, оставили глубокий след в истории Восточной Европы. *Варины* оказали огромное влияние на историю древних славян или историю той страны, которая сейчас является Россией. *Варины* имели свои поселения среди славян, вели торговлю с Византией. Киевский монах Нестор, писавший в одиннадцатом столетии, упоминал Новгород как город *варинов/варангов* – свидетельство того, что в этой части Руси была большая колония *варинов/варангов (settlement of Varangians)*.

Шор говорит, что *варины* были известны в Византии, поскольку из них был образован отряд телохранителей византийских императоров. Их имя стало в Константинополе эталоном воина, и в одиннадцатом и двенадцатом столетиях большей частью из этого народа набиралась византийская императорская гвардия *варангов (Varangian guard)*, в этот же корпус входили и лица староанглийского корня (*Old English*), что, по мнению Шора, было

естественным результатом древности связей между этими двумя народами. Шор обнаружил, что имя варинов/вэрингов осталось в рунических памятниках Норвегии и отразилось, например, в записи, найденной в южной Норвегии, в Хардангере: «Læma (or Læda) Wæringæa» в память того, кто носил имя Вэринга. Я привожу эту запись так, как она дана Т. Шором. Запись эта свидетельствует о том, что миграции *варинов/вэрингов* шли и на север, в Норвегию.

Согласно Шору, англ и варины выступали в тесном союзе и при завоевании и заселении Англии. Следы *варинов-вэрингов*, также как и на южнобалтийском побережье, прослеживаются в топонимии Англии. Так, Weringehorda и Wereingeurda в Девоншире остались, по мнению Шора, от *варинов/вэрингов*. Шор подчёркивает при этом, что англ и варины принадлежали к разным языковым семьям, говоря, что *варины/вэринги* не принадлежали к «тевтонской расе», и добавляет, что в некоторых источниках они названы как варны (Wærn, Wernas). Шор не использует понятие индоевропейского субстрата, применяемого в современной науке, поэтому и затрудняется определить происхождение варинов, указывая только, что они были не «тевтонского» происхождения.

Приведённые отрывки из книги Т. Шора свидетельствуют о том, что из нашей исторической науки оказался исключённым важнейший материал – история древнего народа *варинов*, в силу чего открылся простор умозрительным толкованиям имён *варягов-вэрингов-варангов*. **Возврат истории варинов в историческую науку имеет принципиальное значение для реконструкции ранних периодов русской истории.**

Введя в научный обиход данные из истории варинов, мы получаем возможность дать простое и логичное объяснение многим сообщениям византийских и других иностранных источников о *варягах/варангах*, которые не могли найти разумное толкование в русле спора, ограниченного поисками либо славянского, либо скандинавского происхождения варягов. Напомню, что В.Г. Васильевский собрал целый ряд свидетельств с различными этническими атрибуциями варангов, которые до сих пор вызывают недоумение учёных. Так, он приводил слова Кедрина (XII в.), который, воспроизводя Иоанна Скилицу, писал о варангах как о кельтах, а Иоанн Киннам пояснял, что «это Британский народ, издревле служащий императорам греческим». Согласуется с этими сведениями и приведённое им замечание норманского хрониста XI в. Готфрида Малатерры: «англыне, которых мы называем варангами», а также – сообщение византийского писателя Георгия Кодина о том, что варанги прославляли византийского императора на отечественном языке, которым был английский. Удовлетворительного объяснения этим сведениям так и не было дано. Ларчик же открывается просто, если исходить из истории миграций народа варинов со своей древней родины на юго-западном берегу Балтии и прослеживания основных путей миграций: одного – в Восточную Европу, на Русь, а другого – вместе со своими древними соседями и союзниками англами, на запад, на

Британские острова. Так, в диаспоре появились и варинны англоязычные, и варинны славяноязычные. Но понятно, что общее древнее прошлое, общая древняя идентичность служили объединяющим моментом для разноязычных групп вариннов. Данный момент и определял то, что на службе у византийских императоров могли находиться и *варинны/варяги*, пришедшие туда из Руси, и *варинны/вэринги*, прибывавшие с Британских островов, вкупе со своими традиционными союзниками англами, что давало самые законные основания относить их либо к британскому народу, иначе – к кельтам, либо объединять вариннов с англами, как это мы видим у Малатерры. Благодаря данным Шора, мы находим и логичное объяснение тому, почему варинны добились особого статуса в Византии: древние мореходы и торговцы – они издавна владели водными торговыми путями между Балтикой и Византией.

В рамках истории вариннов становится понятным и сообщённый Саксоном Грамматиком эпизод о посещении датским королём Эриком Эйегудом (1095-1103) Константинополя и о высказанном по этому поводу желании варангов встретиться со своим королём с соизволения византийского императора. Этот эпизод был приведён Байером в его статье «О варягах» как один из аргументов в пользу его концепции – детища рудбекианизма: «когда в Константинополь прибыл, то варанги от императора получили позволение к королю своему прийти, которых Эрик важною речью к верности, и к добродетели, и умеренному житию увещавши, у греков был в великом удивлении». Совершенно понятным становится этот эпизод, если мы введём его в историю взаимоотношений между южнобалтийскими варинами и их соседями с древних времён – данами. Земля вариннов или древняя Вариния – Verania у Оттона Бамбергского – часто переходила под руку королей данов. Так было и во время правления Эрика Эйегуда: известно, что он вёл победоносные войны с так называемыми «вендскими язычниками», в частности, с рюгенцами, что на практике означало распространение власти короля на завоёванные земли. Эрик Эйегуд правил всего несколько лет и, соответственно, его военно-политические успехи были самой свежей новостью в Византии во время его прибытия в Константинополь. Поэтому вполне логичным представляется желание вариннов-варангов из Варинии-Рюгена, как военных людей, представиться своему новому королю и изъявить ему свою лояльность.

Не менее логичным, вполне в контексте отношений «король – подданные», выглядит и поведение Эрика Эйегуда: «отеческие» увещевания своим подданным служить «верой и правдой» их нанимателю – византийскому императору. И совершенно нелепыми на этом фоне выглядят комментарии Байера этого фрагмента из Саксона Грамматика: «Я не спорю, что датчане были варанги, ежели мне кто позволит, что в том числе многие были и шведы, и норвежцы». Эта фраза показывает, что Байер под влиянием догм готицизма-рудбекианизма перестал понимать логику живой истории. Для Байера, в соответствии с готицизмом, датчане, норвежцы, шведы – некие абстрактные «скандинавы», которых он позволяет себе рассматривать как этно-

историческую общность, никогда в реальной жизни не существовавшую. Языковая общность сложилась, но история у каждого из этих народов была своя, и королевские династии были свои. Даже в те непродолжительные периоды, когда Дания, Норвегия и Швеция объединялись в унию, короли или королевы, возглавлявшие союз трёх монархий, должны были обосновывать свои права на каждый из трёх престолов отдельно, т.е. каждый из этих народов всегда имел «своего» короля. Если рассуждения Байера перевести на исторический язык, то согласно его утверждению, в 1103 г. Эрик Эйегуд был «своим», т.е. общим королём для Дании, Норвегии и Швеции, но это – историческая белиберда. Когда-то даже А.А. Куник, по словам В.Г. Васильевского, заметил по поводу византийских ”гвардейских секироносцев”: «Относительно поездок в Византию надобно различать Шведов и Норвежцев строже». Глас вопиющего в пустыне! Из приведённой здесь статьи Мельниковой и Петрухина, так же как и из других работ норманистов, видно, что схоластически обобщённый образ «скандинавов», рождённый утопией готицизма, по-прежнему, подменяет конкретику истории королевств Дании, Швеции и Норвегии.

Вышеприведённая работа Шора подкрепляет мой вывод о том, что мифы сознания норманизма живут за счёт заимствований из историй других народов: лоскутность концепции Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина о происхождении слова *варяг* объяснима тем, что под свою «скандинавскую» историю они подложили часть истории народа *варинов*, т.е. норманистская концепция о скандинавском происхождении варягов пытается подменить собой часть истории народа *варинов* – рудбекианизм в действии!

Таких подмен, введенных норманизмом, отыскивается всё больше. Вот интересный пример, который я нашла у ирландского историка Фрэнсиса Бирна – исследователя, в частности, периода ирландской истории, традиционно называемого «эпохой викингов». Так, Ф.Бирн напомнил в одной из своих работ, что этимология слова *viking* – предмет длительных дискуссий. Этот термин, как он отметил, известен только в Западной Европе и в средневековых хрониках упоминается в связи с описаниями походов *northmen* или *gentiles* (т.е. «северян» или «язычников» – определения, над которыми учёным пора начать размышлять заново) Однако само слово, напоминает Бирн, старше, чем «эпоха викингов», поскольку оно встречается уже в староанглийском языке в 8 в., где *uicingsceade* было обнаружено в значении *nipam* (*uitsing* в старофризском), а в староверхненемецком того же периода слово *Wiching* было найдено как имя личное. И явно от этого личного имени, а не от нарицательного имени, убеждён Бирн, произошло название *Wicklou* (*Vikingal*’о или викингская луговина), так же как и ирландское имя *Uiginn*. Бирн напоминает, что все попытки произвести слово *викинг* из старонорвежского, оказались лингвистически невозможными.

Толкование *vik-king* или *король фьорда*, по мнению Бирна, (также, как по мнению многих других учёных), невозможно чисто лингвистически, поскольку

в старонорвежском слово *king* существовало в форме *konungr*, более того, не все викинги были *seakings*. Давно отвергнута, напоминает Бирн, как лингвистически невозможная мысль о том, что слово произошло от гидронима Вик (название фьорда Осло на юге Норвегии) как название местных жителей, которые известны в источниках как *vikverjar*.

Аналогичное мнение высказывается и Т.Н. Джаксон. Она, кроме того, напоминает, что была попытка производить термин *vikingr* от дат. *wic*, восходящего к лат. *vicus* и обозначающего укрепленный лагерь. Но эта попытка, поясняет, Т.Джаксон, была отвергнута, поскольку маловероятно, чтобы воинственные скандинавы получили имя от обозначения своих или чьих бы то ни было лагерей в Англии. Заметным, напоминает Джаксон, стало толкование Ф. Аскеберга, производящего термин *vikingr* от глагола *vikja* – «поворачивать, отклоняться» и понимающего *викинга* как человека, изменившего свой образ жизни, ушедшего из дома, покинувшего родину. Это мнение, согласно Джаксон, признано наиболее авторитетным. Однако, комментирует она, уход из дома – не самое главное в характеристике викинга. Поэтому, полагает Джаксон, интересным является мнение Пера Торсона, возводящего др.исл. *vikingr* к прагерм. корню **wig* со значением «битва, убийство», встречающемуся в существительных – др.исл. *vig*, дат. *wig* и в родственных глаголах – др.исл. *vega* «убивать» *wigan* «бороться».

Ознакомившись с литературой, посвящённой поискам этимологии слова *викинг*, начинаешь приходить к мысли, что слово *викинг*, похоже, является заимствованным в скандинавских языках, т.е. оно пришло в эти языки с континента, где уже в раннее средневековье было известно как обозначение для «пирата» и имело достаточно прозрачную связь и с кельтской лексической традицией, и с фризской, и с верхненемецкой, что естественно повлияло и на образование прагерм. **wig* – «битва, убийство». Далее очень логично предположить, что слово это было перенесено носителями упомянутых языков на Британские острова, откуда уже было заимствовано данами, скорее, завершившими историю пиратских набегов на Британские острова, начавшихся ещё в рамках так называемой эпохи Великого переселения народов с нападений саксов, фризов, англов, ютов и др. с побережья Атлантики, и поселенцами в Исландии, которые приходили из Норвегии, но вовлекались в общение в ареале всех Британских островов. И только с началом изучения исландских саг слово *викинг* должно было получить статус «общескандинавского» силой чисто книжной умозрительности и стало дрейфовать в волнах фантазий готицизма и последующих утопий. Представляется, что потому-то и отвергается очень на мой взгляд убедительная этимология *викинг*, восходящая к лат. *vicus* – *укрепленный лагерь*, поскольку она подкладывает мину под всю привычную конструкцию *викинги* как *скандинавы*. В скандинавской традиции прослеживается и свой термин для обозначений грабительских, т.е. пиратских походов. Г.В. Глазырина в монографии «Исландские викингские саги о Северной Руси» приводит слово *hernadr* – «грабительский поход» (обычно в

выражениях *fara i hernaðr*) и поясняет, что этим словом в исландских сагах обычно обозначается кратковременный военный поход, предпринятый с целью быстрой и лёгкой наживы, сопровождавшийся разбойным грабежом и опустошением территории, на которой происходит данная акция. В древнеисландском судебнике *Grágás*, продолжает Глазырина, слово *hernaðr* использовано как юридический термин.

Другим примером подмен в истории могут служить наблюдения над судьбой термина *норманны*. Здесь следует напомнить, что прямая подмена *nordmannos* (или *the Norse* в англоязычной литературе) – «северян» из средневековых хроник на скандинавов началась ещё в рамках шведского готицизма, с Олауса Петри, но окончательно оформилась уже в рудбекианизме. В 18-19 вв. к этой паре в качестве синонима добавились и *викинги*. Эта череда слияний привела к возникновению ряда явных несостыковок в концепциях, сложившихся о норманнах в различных исторических контекстах. Вот что можно почерпнуть из ирландской историографии.

Ирландская медиевистика унаследовала традиции готицизма, развиваясь долгое время в лоне английской историографии. С провозглашением республики Ирландии после Второй Мировой войны, начался новый период в развитии этой области науки. Активное исследование периода ирландской истории «эпохи викингов» (начиная с 794 года, с первых нападений *gentiles* на Ирландию), включая и его археологию, получило развитие, согласно П.Уоллесу, с 1960 г. В ходе этого процесса ирландские учёные столкнулись с вопросами, традиционные ответы на которые более не удовлетворяли, а поиски новых ответов рождали острые дискуссии. Если отвести от них всё производное, то на первый план начинает выступать ряд сомнений, которые подводят к вопросу о том, а кто же, в действительности, были те *gentiles-northmen-ostmanni/ostmen*, принесшие в Ирландию основы городской цивилизации и заложившие первые ирландские города? Дело в том, что, с одной стороны, результаты современного изучения истории города в скандинавских странах, а с другой – сравнительный анализ истории ирландского города с историей поселений выходцев из скандинавских стран на остальных Британских островах или в Исландии обнаружили существенные несоответствия с укоренившимся представлением о том, что первые города в Ирландии были основаны викингами (так формулируется мысль, например, у П.Уоллеса). «Часто вызывает удивление, – пишет известный ирландский историк Френсис Д. Бирн в своей работе «*The Viking Age/A new history of Ireland*», – что «варвары»-викинги смогли принести «городскую цивилизацию» в Ирландию... Даны, которые заселили большую часть северной и восточной Англии, не строили городов, хотя они оккупировали Йорк и приложили немало усилий для захвата Лондона – два главных города в римских провинциях Британии, которые продолжали существовать и в англо-саксонский период. На Фарерских островах, Шетландских островах, на Оркнейских островах, в Сатерленде, на Гебридах и даже в Исландии, где они заселили пустынные

местности или захватили заселённые местным населением территории, города не появились». Для общего понимания всей исторической проблематики о так называемой «роли» скандинавов в европейской истории, стереотипы которой восходят к готицизму, отмеченные несоответствия между реальной историей и историей книжной очень важны.

В этом плане был бы интересен основанный на современных данных сравнительный анализ по истории города в скандинавских странах и в Ирландии. Но такой анализ – задача отдельной работы. Здесь же мне хочется заметить, что всякие видимые несоответствия в историческом повествовании возникают тогда, когда из него выпадает часть материала. И в связи с непонятными *northmen* из ирландской истории и недоумением ирландских историков по поводу того, как скандинавы могли принести в Ирландию то, чего в скандинавских странах ещё не развилось, вспоминается такое же недоумение шведских археологов, открывших некоторое время тому назад остатки города в Сконе на юге современной Швеции. Наиболее ранний археологический материал датируется периодом железного века. Найденный город характеризуется как самый крупный из известных на сегодня населённых пунктов на Скандинавском полуострове данного периода. Сейчас на его месте расположен маленький населённый пункт под названием Упокра (Uppåkra), который находится чуть к юго-западу от Лунда. Можно предположить, что Лунд «сменил» своего более древнего предшественника, не дожившего до времени Адама Бременского. Как говорят шведские учёные, обнаруженный город не упоминается в известных письменных источниках, поэтому они даже не знают, как город назывался, хотя археологические находки очень интересны и значительны. Следует напомнить, что к Швеции Сконе стала относиться довольно поздно, поэтому, история городов Сконе, строго говоря, - часть датской истории, но о городе, насколько известно, молчат и датские источники. Систематическое исследование города стало проводиться только в 90-х годах прошлого века. Его территория составляла площадь 40-50 га, что намного превышает площадь Бирки (7 га) и Хедебю (24 га). Город существовал, примерно, одно тысячелетие, считая со времени несколько ранее 100 лет до н.э. и до начала XI в. н.э. Археологические находки отражают торговый обмен впечатляющего масштаба, включая древнеримские изделия и пр., что особенно смущает шведских археологов. Но если предположить, что распространение городских традиций на Скандинавский полуостров шло с юга на север, поскольку городская жизнь раньше сложилась на южнобалтийском побережье, то логично взглянуть на данный вопрос более широко и спросить: кем могли быть те мореплаватели и тоговцы, которые уже во времена Тацита вели торговлю между Балтикой и Средиземноморьем?

Согласно Т. Шору (он ссылается, кстати, на Тацита) таким народом были варинны. Тогда естественно, что этот город не известен в скандинавских источниках. Непроходимых границ (в политическом смысле) между Южной Балтией и Скандинавским полуостровом никогда не существовало, поэтому

ничто не мешает предположить, что часть народа варинов – народа мореходов и торговцев, имевшего давние связи с другими этнополитическими образованиями в юго-западном пределе Балтии: и с англами, и с королями данов – стала, в поисках новых торговых путей, осваивать ещё до «великого переселения народов» и маршрут на север, заложив на этом пути крупную торговую факторию в юго-западной части Скандинавского полуострова, а потом продолжала двигаться на север, вдоль западного побережья современной Норвегии, и далее – на запад, к Британским островам. Возможно, именно варины позднее и вовлекли в этот процесс переселенцев с норвежского побережья, двинувшихся на освоение Исландии и других островов. По крайней мере, история движения западных европейцев на запад, начиная с освоения Британских островов и кончая колонизацией Америки, показывает, что сравнительно малочисленные народы из стран Скандинавского полуострова, шли в арьергарде этого процесса, и никогда – в авангарде. Именно варины могли быть теми загадочными *gentiles* - язычниками, которые принесли городскую культуру в Ирландию. В работах ирландского археолога и историка П.Уоллеса я обратила внимание на то, что от этих язычников в ирландский обиход вошло слово *garrda* для обозначения их городских поселений, которые имели ограждения, что собственно, и означало слово *garrda*. Уоллес говорит, что это слово происходит от «the Old Norse» - *garðr*. Понятно, что под «древнесеверным» языком Уоллес имеет в виду «древнескандинавский». Однако это слово (в современных датском, норвежском и шведском *gård* – двор, усадьба) является заимствованием в скандинавских языках, куда пришло с того же южнобалтийского побережья, из той языковой традиции, где *грады* возводились на *огороженном* пространстве, за *оградой*. Слово *град-гард* заимствовалось в то далёкое время, когда своих городов у предков датчан, норвежцев, шведов ещё не было, поэтому оно и закрепилось за населённым пунктом сельского типа. Отсюда *gårdejer* в датском языке как крестьянин, фермер, но никогда – горожанин. Заимствованный характер этого слова подчёркивается ещё и тем, что скандинавские *gårdar* – крестьянские подворья оград не имели: малолюдые, малонаселённые делали ненужными возведение оград – всё ведь денег стоит.

Однако вернусь к нашим *норманнам*. Согласно Ф.Бирну, слово *викинг* применялось при описании походов *northmen* или *gentiles*. Термин *gentiles* – не этноним, а конфессиональная характеристика – *нехристиане, язычники*. Под этим именем могли скрываться разноэтничные группы, но объединённые одним языческим культом. *Northmen* или лат. *Nordmannos* – тоже необычное название в качестве этнонима. Согласно свидетельствам Лиутпранда, имя *Nordmannos* происходит от тевтонских слов *nord* – север и *man* – человек: *Lingua quippe Teutonum Nord aquilo, man auter dicitur homo, unde et Nordmannos aquilonares hominis dicere possumus*. Таким образом, слово это, в общей сложности, означает «северяне». Вышеупомянутый шведский историк Олаус Петри в одном из своих наиболее известных трудов совершенно декларативно заявил, что *nordmannos* были, скорее всего, выходцами из трёх скандинавских

стран. И эта декларация в XVIII-XIX вв., в русле историографической традиции – наследницы готицизма и рудбекианизма – закрепились как прописная истина. В исландских сагах использовался топоним *Нордлэнд (Norðlond)* или *Северные страны*, который без большого риска можно связать с *Nordmannos*. В монографии Глазыриной находим разъяснение, что данный топоним имеет собирательное значение и обозначает, по преимуществу, Скандинавские страны, но может также относиться и к северной части Германии, при этом даётся ссылка на следующую работу: Metzentin E. Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schriftum. Pennsylvania, 1941. Убежденность Глазыриной в том, что топоним *Нордлэнд* преимущественно относится к скандинавским странам, понятна, поскольку данная мысль, как было сказано выше, начала декларироваться ещё с XVI в., откуда и была унаследована норманизмом. Но как серьёзный учёный, Глазырина не может замолчать и тот факт, что территория, отмеченная данным топонимом, была намного шире, включая и северную часть европейского континента или южнобалтийское побережье.

Сейчас пора по-новому поставить вопрос о связях современной северной Германии или Южной Балтики с более северными пределами Европы, конкретно, со Скандинавией в раннее средневековье и разобраться, кто на кого влиял. Но для этого надо выйти за рамки жёсткого этнического противопоставления германцев и славян. Южнобалтийское население не только в раннем средневековье, но и много позднее сохраняло дославянские, реликтовые индоевропейские черты, а Германия Тацита была территориальным полиэтническим образованием, населённым разноязычными народами, возможно, объединёнными неким конфессиональным единством. Отождествление населения «Германии» Тацита с немецкоязычным населением Священной Римской империи или его искусственное «огерманоязычивание» (если позволительно так выразиться) произошло тоже в XVI в., на волне немецкого готицизма, в трудах немецких гуманистов Ф.Иреника, В.Пиркхеймера и др. Если мы сумеем освободиться от оков утопий того периода и более объективно проанализируем известные источники, то без сомнений, мы найдём более логичные ответы на вопросы, по которым сейчас концы с концами не сходятся.

Полагаю, вышеприведённых данных достаточно для того, чтобы пробудить сомнения в общепринятом отождествлении исключительно выходцев из скандинавских стран с викингами, *northmen/nordmannos* или *gentiles* средневековых западноевропейских хроник. Реальная картина раннесредневековой истории, где действовали вышеперечисленные персонажи, была явно намного сложнее и многозначнее. Как мне представляется, из описанных выше событий «выпала» история народа варинов – древнего народа на южнобалтийском побережье, обладавшего развитыми традициями градостроительства, мореходства и торговли и в качестве постоянного союзника англо-саксов участвовавшего в заселении Британских островов, а также, вероятно, прокладывавшего новые пути на север Западной Европы из Балтии

вдоль западного побережья Скандинавского полуострова. Восстановление реальной исторической картины во всей её полноте – вопрос очень насущный для историй многих стран, и в первую очередь, для истории России.

Я привела только малую толику примеров, которые показывают, что норманистские концепции существуют за счёт обирания историй других народов и произвольного смешивания разнородных исторических контекстов в некую умозрительную картину якобы скандинавской истории. То, что родилось от чресл утопии, наукой стать не может.

* * *